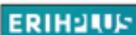

Слезин А. А. Коллективизация сельского хозяйства в 1928—1930 годах : роль «легкой кавалерии» / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 292—306. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-292-306.

Slezin, A. A. (2019). Collectivization of Agriculture in 1928s—1930s: Role of “Light Cavalry”. *Nauchnyi dialog*, 3: 292-306. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-292-306. (In Russ.).

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-292-306

Коллективизация сельского хозяйства в 1928—1930 годах: роль «легкой кавалерии»

© Слезин Анатолий Анатольевич (2019), orcid.org/0000-0002-9559-7553, Researcher ID A-8944-2018, SPIN-code 4509-5506, AuthorID 437790, доктор исторических наук, профессор, Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия), anatoly.slezin@yandex.ru.

Анализируется противоречивая роль «легкой кавалерии» комсомола на начальном этапе сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР. Основными источниками стали материалы Российского государственного архива социально-политической истории и агитационные брошюры 1920—1930-х годов. Методологическую основу исследования составляют классические принципы: историзма, объективности, социального подхода, альтернативности. Используется теория модернизации, которая понимается как переход от аграрного общества к индустриальному. В качестве теоретической платформы автор апеллирует к теории огосударствления комсомола: комсомол рассматривается как своеобразное советское «министерство молодежи», связующее звено между государством и молодежью. Показано, что в условиях дефицита высококвалифицированных кадров и бесхозьяственности в созданных наспех колхозах органы власти вынуждены были привлекать неопытных юношей и девушек к осуществлению функции социального контроля. Отмечается, что «кавалеристы» следили за состоянием рабочего скота, кузниц, складских помещений, ссыпных пунктов, даже за составлением производственных планов. Вместе с тем, как показывает автор статьи, полезная деятельность по устранению хозяйственных недостатков сопутствовала явным перегибам, поискам не только явных, но и вымышленных врагов. Особое внимание уделено выявлению специфики деятельности «легкой кавалерии» после выхода в свет статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов».

Ключевые слова: «легкая кавалерия»; комсомол; коллективизация; раскулачивание; перегибы; социальный контроль.

1. Введение

Современная историография довольно подробно рассматривает вопросы участия молодежи в аграрных преобразованиях 1920—1930-х годов

[Долгова, 2003; Ипполитов, 2018; Мигушенко, 1994; Никулин, 2009; Стецюра, 2012]. В частности, в исследовании Е. А. Мининой [Минина, 2008] акцентируется внимание на особых «патронажных отношениях» между ВЛКСМ и ВКП(б), обусловивших сложности в претворении молодежной политики в сельскую жизнь. Выделены несколько направлений деятельности комсомола в период коллективизации: участие в создании материально-технической базы колхозов и внедрение в колхозное производство принципов новой организации труда, политико-воспитательная и культурно-просветительская работа, помощь в выявлении антисоветских элементов. Из работ зарубежных исследователей наибольший интерес в связи с темой исследования представляет статья Х. Окуды [Окуда, 2008]. На основе анализа настроений сельских коммунистов и комсомольцев историк из Японии сделал вывод об их психологической готовности к насильственным аграрным преобразованиям.

Но, изучая процессы, связанные с коллективизацией сельского хозяйства в СССР, ни отечественные, ни зарубежные историки до сих пор практически не обращали внимание на роль «легкой кавалерии» — уникального института социального контроля, созданного комсомолом в конце 1920-х годов. Это обосновывает как актуальность, так и научную новизну данного исследования, цель которого — выявление форм и последствий работы «легкой кавалерии» на начальном этапе сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР. Важно противопоставить вымыслам и чрезвычайно эмоциональным оценкам научный взгляд на роль «легкой кавалерии», конструктивно оценить опыт, в том числе негативный. Изучение деятельности «легкой кавалерии» позволит точнее воссоздать общественную атмосферу, переосмыслить некоторые оценки тогдашней советской действительности.

2. Мобилизация молодежи на создание колхозов и раскулачивание крестьянства

Группы так называемой «легкой кавалерии» были образованы в конце 1927 года в соответствии со специальным письмом ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ [Комсомол ..., 1987]. Им поручалось исправлять организацию, систему и методы работы государственного аппарата, внимательно рассматривать жалобы на недостатки и безобразия, наблюдать за рациональным использованием ресурсов, преодолевать сопротивление администрации. Именно в это время началось массированное наступление государства на зажиточные слои населения деревни, что наложило отпечаток и на работу «легких кавалеристов». Так, в Средне-Волжском крае наиболее

типичными злоупотреблениями, выявленными комсомольцами, были предоставление семенного материала кулакам, несдача хлеба государству, сокрытие зажиточных от налогообложения, излишняя нагрузка на бедняков, «засорение» сельсоветов. «Помогали» «кавалеристы» и в поисках кулацкого хлеба. В частности, в Кузнецком округе по данным семи районов «кавалеристами» было выявлено большое число «кулацких» ям с 60 тоннами хлеба [Жуковский, 1931, с. 29]. Характерно, что, проводя активную классовую политику, «легкие кавалеристы» одновременно практически ничего не сделали для успешного проведения осенней вспашки под яровые.

В декабре 1929 года ЦК ВКП(б) разъяснил задачи союза в индустриализации и коллективизации. Особо обращалось внимание на «чрезвычайно слабое» участие деревенского комсомола в коллективизации сельского хозяйства [Документы ..., 1987, с. 138]. Кроме перечисления многочисленных хозяйственно-политических задач, в постановлении рекомендовалось проводить реконструкцию сельского хозяйства методом социалистического соревнования. Господствовали настроения: «Лучше забежать вперед, чем отстать» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 2, д. 79, л. 17].

Комсомольские газеты призывали молодежь к решительным мерам, заголовки буквально кричали: «Нам нужны Чапаевы земледелия, нам нужны Буденные полей», «Совхоз — окоп, колхоз — борьба коммуна — победа». Милитаристская риторика способствовала тому, что молодежь воспринимала реконструкцию деревни как своего рода военный поход. Радикальные лозунги легко усваивались политически незрелыми энтузиастами.

На Северном Кавказе деревенская ячейка должна была объединить в коллективное хозяйство всех жителей своего аула, села или станции [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 3, д. 64, л. 241]. Еще дальше пошел Сибирский крайком ВЛКСМ, который обязал комсомольцев своими силами коллективизировать весь край [Курс ..., 1976, с. 193].

В условиях насильственной коллективизации партийному руководству не хватало «обычных» силовых структур в деревне. Для решения этой проблемы были мобилизованы комсомольские структуры. Комсомольцы быстро привыкали к милицейскому подходу и командным методам работы. Так, комсомольцы Украины в работе с крестьянством выполняли несвойственные им функции: производили обыски, аресты, стрижки хвостов у лошадей [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 2, д. 82, л. 42]. В Сызранском округе большая часть комсомольской организации была превращена в отряды милиции [Курс ..., 1976, с. 193]. В Мордовии секретарь Кочкуровского райкома ВЛКСМ Беспалов проводил аресты среди крестьян, а созданный колхоз назвал своим именем [Надькин, 2010, с. 81].

Вступление в колхоз рассматривалось как непреложная обязанность каждого комсомольца. Сомневающиеся исключались из комсомола во время чисток, одними из организаторов которых стали отряды «легкой кавалерии». Большинству «кавалеристов» преследование «социально-чуждых» было понятнее, чем борьба с бюрократизмом или «уклонами». Основные выводы комиссий по чистке строились на анкетных данных и результатах собеседования с проверяемыми. Зачастую комиссии в учреждениях встречали глухое сопротивление в виде «круговой поруки», когда никто не хотел компрометировать друг друга. Иногда удавалось и скрыть свое невыгодное прошлое. Вот тогда-то и приходила на помощь власти «легкая кавалерия». Местные газеты с регулярностью, сравнимой только с частотой публикаций о развертывании коллективизации, писали о чистке — как в советах, так и в партийных и комсомольских организациях. Авторами многих анонимных заметок были «кавалеристы». Вот лишь некоторые из названий этих заметок: «Очистим дорогу», «Кулацкое царство», «Бандитский руководитель колхоза».

Весь комсомольский актив, в том числе и члены «легкой кавалерии», были направлены на создание колхозов и раскулачивание крестьянства.

В Бежецком районе в одной из деревень «кавалеристы» на лошадях окружили кулацкий двор, забрали трех коров и привели их в колхоз. Ярким свидетельством вовлечения молодежи в борьбу с крестьянством является случай в поселке Белоусовка (Оренбургский округ), когда вооруженные «легкие кавалеристы» ночью попытались конфисковать хлеб у должников. Закончилась эта попытка повальным обыском, в результате чего возмущенные крестьяне колями прогнали «налетчиков» [Жуковский, 1931, с. 43]. Встречались случаи разгона комсомольцами базаров во время проведения хлебозаготовок. Данные факты демонстрируют восприимчивость комсомольцев к насильственному проведению раскулачивания и хлебозаготовок. Привычка решать проблемы силовыми методами «с винтовкой» крепко засела в головах комсомольцев еще со времен «военного коммунизма».

«Лёгкая кавалерия», организованная комсомольской ячейкой в селе Дим Михайловского района Владивостокского округа, проводила повальные ночные обыски, изымала у крестьян даже продукты питания. Причем пострадали и многие середняки [Андреев, 2016, с. 254].

В деревне Константиновка (Нижегородский край) школьный отряд «легкой кавалерии» решил раскулачить своими силами не менее 16 кулаков [Сайкин, 1930, с. 47]. Примечательно, что молодые люди брали на себя обязательства участвовать в насильственной кампании по собственной

инициативе. Идеи классовой борьбы, таким образом, глубоко проникали в сознание молодежи, поэтому партийное руководство, умело используя противоречия внутри крестьянства, сумело навязывать ему собственную политику.

На краевом слете «легкой кавалерии» в Нижнем Новгороде «кавалеристы» призывались разоблачать так называемое самораскулачивание, под которым понимались продажа признанных кулаками своего имущества и их выезд за пределы района. Среди обязанностей «кавалеристов» называлась проверка реализации правительственных решений об уничтожении аренды земли, наемного труда, конфискации имущества, выселения кулаков. В районах несплошной коллективизации «кавалеристы» призывались активно участвовать «в осуществлении мероприятий по ограничению эксплуататорских тенденций кулачества» [Первый ..., 1930, с. 13].

Пензенский окружной слет «легкой кавалерии» потребовал предотвратить проникновение кулаков в сельскохозяйственные объединения. Приоритетной задачей «легкой кавалерии» объявлялась борьба за классовую чистоту колхозов. Вместе с тем «кавалеристы» не забыли про необходимость противодействия недисциплинированности, растратам, лодырничеству [Год ..., 1930, с. 6].

В протоколе Великолуцкого окружного слета «легкой кавалерии» от 2—5 января 1930 года привлекает внимание выступление делегата Черного, доказывавшего, что классовый враг в деревне перешел от открытых форм борьбы к скрытым, «нелегальным». Эти нелегальные формы он увидел в подаче зажиточными крестьянами Ильинского района заявлений о принятии в колхоз [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 965, л. 69.].

Общественные настроения, царившие в среде «кавалеристов», ярко отражают пометки в протоколе, свидетельствующие о реакции комсомольцев на выступление делегата Муравьева (Ново-Сокольники), заявившего на Великолуцком окружном слете о необоснованно высоких темпах колхозного строительства, о недостаточной помощи города деревне, слишком высоких налогах. Из зала прозвучали крики: «Ты нам правые теории не разводи», «Отъявленный уклонист», «Кулацким голосом поешь» и т. п. [РГАСПИ, ф. М.—1, оп. 23, д. 965, л. 72]. Фактически затравленный Муравьев пытался повторно взять слово, чтобы разъяснить позицию, но президиум отказал ему в предоставлении права выступить снова [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 965, л. 73].

Нередко комсомольцы стремились добиться согласия на вступление в колхозы угрозами, насилием и провокациями. На Северном Кавказе комсомольцы на собраниях предостерегали крестьян: «Вступай в колхоз

сегодня, иначе будет поздно»; «Думали — 13 лет хватит»; «Всякого, кто не пойдет в колхоз, мы сошлем на Соловки» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 2, д. 80, л. 17]. В Тайшинском районе (Томский округ) комсомолец на собрании крестьян о создании колхоза задавал вопрос: «Кто против мероприятий Советской власти — подними руку» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 967, л. 5]. Другим наиболее распространенным способом запугивания была угроза раскулачивания сомневающихся крестьян. В Сызранском округе колхоз в Гурьевске был создан комсомольцами с помощью шантажа: «или вступаете в колхоз или раскулачим» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 967, л. 2]. В Казахстане члены союза ставили крестьян перед выбором: «Не пойдешь в колхоз — заберем имущество и пошлем туда, где солнце не бывает» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 3, д. 66, л. 154].

В результате доля сельских комсомольцев, состоящих в коллективных хозяйствах, стремительно повышалась. Так, в ЦЧО в декабре 1929 года из 38 997 сельских членов союза колхозниками были 17 997 (33,3 %), а на пике «успехов» коллективизации в марте 1930 года из 331 409 комсомольцев-крестьян в колхозах состояло 301 914 (91,1%) [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 976, л. 4].

3. Борьба с перегибами: формы и последствия

К весне 1930 года уровень коллективизации по стране достиг 56 %, а отдельные регионы фактически её завершили: ЦЧО — 81,8 %, Башкирия — 81,2 %, Татария — 77 %, Московская область — 73 %, Средне-Волжский край — 56,7 % [Ивницкий, 1994, с. 86]. Однако данные цифры звучали на фоне крайне напряженной ситуации, сложившейся в стране. В сводках ОГПУ регионы СССР делились в зависимости от остроты крестьянских выступлений на «сильно пораженные районы (Центрально-Черноземная область — ЦЧО, Украина, Московская область, Узбекистан, Северо-Кавказский край, Белоруссия, Средняя Волга) и «пораженные» (Нижняя Волга, Западная область, Армения) [Ивницкий, 1994, с. 155]. Большинство крестьянских выступлений вошли в историю с лозунгами: «Долой колхозы! Да здравствует Советская власть!». Значительная часть лозунгов носила яркий антикомсомольский характер: «Против комсомольцев, пионеров!» [Трагедия ..., 2000, с. 277]. Причинами выступлений чаще всего являлись коллективизация, раскулачивание, хлебозаготовки и антирелигиозная борьба.

Опасаясь дальнейшего обострения ситуации, И. В. Сталин предпринял ловкий тактический шаг, возложив всю ответственность за допущенные перегибы на местных руководителей. Было официально осуждено «чинов-

ничье декретирование колхозного движения» [Сталин, 1930]. Следствием массового выхода крестьян из колхозов стало падение процента коллективизации крестьянских хозяйств в несколько раз. Летом 1930 года показатели коллективизации выглядели следующим образом: ЦЧО — 15,8 %, Башкирия — 20,9 %, Московская область — 7,2 %, Татария — 8,8 %, Средне-Волжский край — 20,5 % [Ивницкий, 1994, с. 100]. Во многих колхозах остались лишь небольшие партийно-комсомольские группы.

По словам секретаря обкома ВЛКСМ ЦЧО В. Сорокина статья генсека «ударилась как гром с чистого неба наших работников» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 3, д. 66, л. 145]. Комсомольцы оказались в полной растерянности и даже панике, они крайне неоднозначно отнеслись к статье. Часть молодых людей высказывала открытое возмущение [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 976, л. 4; ГАСПИТО, ф. П. — 379, оп. 1, д. 171, л. 63]. В Барабинском округе отдельные комсомольцы недоумевали: «Зачем напечатали эти статьи, их надо печатать, когда мы закончим 100 % коллективизации». Встречались и высказывания типа: «Надо было нас предупредить об этих статьях, а потом печатать» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 967, л. 4]. Действительно, публикация статьи ставила комсомольцев в крайне неловкое положение.

Многие активисты искренне сожалели о том, что результаты их трудов фактически пропали. В Долинском районе Криворожского округа комсомольцы — организаторы коммуны, где «все до нитки было обобществлено», выражали желание лучше расстрелять человек 20—30, но сохранить проценты коллективизации [Трагедия ..., 2000, с. 334]. Таким образом, активисты не желали отказываться от применения насильственных методов проведения коллективизации.

Первичные организации нередко отказывались признавать свои ошибки, так как это «подрывало их авторитет». Наиболее радикально настроенные комсомольцы подвергли критике позицию Генерального секретаря партии. Одна комсомольская ячейка даже вынесла Сталину выговор за публикацию статьи [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 81, л. 51.]. На VII пленуме ЦК ВЛКСМ 15—17 мая 1930 года сообщалось о комсомольцах, которые открыто задавали вопрос: «Почему Сталин не дал раньше установку в вопросах коллективизации, а допустил головотяпство, в связи с чем произошел отлив из колхозов?» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 81, л. 51]. В Центрально-промышленной области встречались также обвинения Сталина в правом уклоне и солидарности с позицией Н. И. Бухарина [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 81, л. 77]. Не обращая внимания на угрожающее положение в стране, многие комсомольцы обвиняли партийное руководство

в отходе от прежних установок. Несмотря на запреты, озвученные на ряде региональных конференций, многие юноши и девушки не скрывали несогласие с новой официальной линией. Вместе с тем имели место выходы комсомольцев из колхозов, свидетельствующие о массовом неприятии молодежи идеи коллективного хозяйства.

Тем не менее очередной «нажим» сверху сделал свое дело. На официальных мероприятиях вскоре стали приниматься «правильные» резолюции. Так, уже в середине марта 1930 года на ленинградской областной конференции была принята резолюция, подчеркивающая, что «легкая кавалерия» должна бороться с попытками «раскулачивания» середняка и перенесения на него каких бы то ни было мероприятий, направленных против кулака», «должна следить за соблюдением принципов добровольности в колхозном движении». «Кавалеристы» нацеливались на решительную борьбу «с левым головоунытием и методами административного принуждения в организации колхозов». Под проведением линии партии понимали борьбу против как «правого оппортунизма», так и «левых загибов» [Задачи ..., 1930, с. 18—19].

Несмотря на все дискуссии, руководство союза упорно проводило линию, что в перегибах виноваты сами комсомольцы. Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев заявил, что причинами ошибок стали политическая малограмотность, классовая незакаленность, радикализм, расплывчатый социальный состав молодежного союза [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 3, д. 66, л. 274].

В реальности рядовые комсомольцы часто просто не понимали, в чем надо видеть «верный курс партии в деревне». Кампания, развернутая после выхода в свет сталинской статьи «Головокружение от успехов», окончательно запутала юношей и девушек. Многие предпочитали лучше бездействовать, чем делать то, что сегодня пропагандируют, а завтра могут назвать преступным.

Деятельность «легкой кавалерии» в колхозах и совхозах попытались перестроить в сторону усиления хозяйственной работы, направив основные усилия «кавалеристов» на борьбу за выполнение производственного плана, снижение себестоимости, повышение производительности труда, рациональную организацию производства. На ленинградской областной конференции «легкой кавалерии» ставились задачи: улучшение организации труда, повышение товарности, вовлечение в колхозы батрачества и бедноты, проведение обобществления на основе нового устава, организация соцсоревнований [Задачи ..., 1930, с. 19]. «Легкая кавалерия» призывалась активно вовлекать комсомольскую и несоюзную молодежь

в ударные бригады, добиваясь перевода всего колхозы или совхоза «на ударность» [Задачи ..., 1930, с. 21]. Приходится признать, что в условиях тогдашней организационной неразберихи эти задачи были трудновыполнимыми. Поэтому неслучайно основной «удар» «кавалеристы» по-прежнему наносили по «классово-чуждым элементам». Тем более, что наряду с хозяйственными задачами по-прежнему ставились и цели «борьбы с вредительством». На той же ленинградской областной конференции «легкой кавалерии», например, подчеркивалось, что из сельсоветов надо вывести всех «неспособных возглавить колхозное движение» [Задачи ..., 1930, с. 21].

Отдельные комсомольские организации продолжали осуществлять коллективизацию административными методами. Так, Михайловский райком комсомола (Сибирский край) вынес решение о контрольных цифрах по коллективизации [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 23, д. 967, л. 45]. Подобные примеры свидетельствовали о том, что убежденность в допустимости применения администрирования по отношению к крестьянам прочно вошла в умы комсомольских активистов.

Широкое распространение в среде провинциальной «легкой кавалерии» получили доносы с обвинениями в «чуждом происхождении». Небезынтересен случай, когда в Уваровском районе ЦЧО комсомолец Ф. Артемов написал донос о том, что в колхозе имени Сталина есть кулаки, которые «явно вредят социалистическому строительству и всем мероприятиям советской власти». Бдительный комсомолец подробно описывал прошлые «прегрешения» кулаков: И. В. Пивоваров имел арендную землю, лавку, привозил из Елани по 8 быков; И. С. Саблин имел арендной земли 15 га, занимался скупкой и перекупкой; З. В. Пивоваров имел ветряную мельницу. Далее он утверждал, что комсомолец — сын Саблина, работая счетоводом в колхозе, открыто призывал «не платить займа». «Кавалерист» просил принять меры к «выгонке чуждо-классового элемента из колхоза» [ГАСПИТО, ф. П. — 1165, оп. 1, д. 26, л. 44].

Комсомольцев больше интересовала «классовая чистота» колхозов, чем их хозяйственная эффективность. В Старо-Майнском (Средне-Волжский край) «кавалеристы» обнаружили двух кулаков, но попытка их вычистить из хозяйства встретила отпор со стороны правления. Молодых людей не интересовало, что эти якобы кулаки могли являться отличными работниками. «Легкая кавалерия» продолжила расследование, и было выяснено, что колхоз — «настоящее кулацкое царство» во главе с зажиточным крестьянином Смирновым. Комсомольцы добились того, что это объединение разогнали и вместо него создали новый колхоз из бедняков

и середняков [Жуковский, 1931, с. 32]. Сейчас вызывает немалые сомнения целесообразность подобных разоблачений, вряд ли новый состав колхоза был эффективнее прежнего, напротив, чистки приводили к потере опытных хозяйственных кадров.

Проводя проверку одного из колхозов Уваровского района, «легкая кавалерия» выявила, что руководство (председатель правления, член правления, ответственный за охрану имущества, кладовщик, бригадир) занималось хищением имущества, главным образом хлеба. В результате показательного судебного процесса было установлено, что руководство колхоза фактически принадлежало Уваровым, которые и до, и после революции имели крепкие хозяйства. Якобы неоднократно ночью они, с разрешения председателя правления Котова, ломали замки у общественных амбаров с хлебом, без веса и меры насыпали хлеба и увозили неизвестно куда. Решением суда Уваров и Котов были приговорены к 10 годам лишения свободы [ГАСПИТО, ф. П. — 1165, оп. 1, д. 26, л. 89.]. Такие судебные процессы должны были переложить вину за кризис в сельском хозяйстве с руководства партии и правительства на местных «вредителей». Как правило, такого рода пропаганда имела успех среди колхозников.

«Легкая кавалерия» непримиримо боролась с фактами утраты классовый бдительности. Именно так был истолкован факт «пьянки» на свадьбе у священника, в которой участвовало 2 комсомольца и 5 кандидатов в партию. Вокруг этого события было создано общественное мнение среди молодежи Грязнинского района. В результате двоих исключили из союза, остальные получили выговоры [ГАСПИТО, ф. П. — 1176, оп. 1, д. 82, л. 70].

При осуществлении чистки колхозов, «легкую кавалерию» не останавливал даже партийный стаж «чуждых элементов». Так, в Сунджинском районе «кавалеристы» «бомбардировали» походную редакцию газеты «Коммуна» «сигналами» о своем председателе колхоза. По их словам, председатель Г. Васьков, член партии с 1918 года, являлся растратчиком, до вступления в колхоз зарезал 13 голов скота, спрятал инвентарь, имел 3 лошади, 2 коровы, 6 пар овец и дом как у помещика. «Наши боевые мартыновские комсомольцы вышибли этого «члена партии» и из колхоза, и из партии» — отчитывалась потом газета об успехах «легкой кавалерии» [На первой ..., 1930]. Подобными «успехами» комсомольцы часто гордились даже больше, чем производственными достижениями.

Вместе с тем «легкая кавалерия» считала своим долгом предотвращать все бюрократические выходки крестьянских комитетов, земельных и других органов, ведущих к снижению урожайности, к недостаточному

расширению посевных площадей, к невыполнению плановых агроминимумов. Слет «легкой кавалерии» Пензенского округа прямо указывал на необходимость «добиваться судебных мер тормозящим делу поднятия нашего сельского хозяйства». В качестве одной из основных задач движения предписывалось также «привлекать к судебной ответственности тех, кто бросает батрачество на истязания и эксплуатацию классовому врагу», с помощью налетов следить за тем, чтобы дела, затрагивающие интересы батрачества, разбирались быстрее [Год ..., 1930, с. 7].

Изучив документы сельских комсомольских организаций, результаты «кавалеристских» проверок, приходишь к выводу, что в большинстве созданных в спешке колхозов, процветала бесхозяйственность. Партия была вынуждена привлекать «легкую кавалерию» к борьбе с растратами и саботажем. За неимением других контролеров комсомольцы следили за состоянием рабочего скота, кузниц, складских помещений, ссыпных пунктов, даже за составлением производственных планов. «Кавалеристов» призывали обеспечить своим вниманием все участки колхозного строительства. В первую очередь обращалось внимание на состояние и хранение заготовленного зерна.

4. Выводы

Роль «легкой кавалерии» в становлении колхозного строя была противоречива: полезная деятельность по устранению хозяйственных недостатков соседствовала с поиском не только явных, но и вымышленных «классовых врагов». Ситуация в комсомоле и его «ударном» подразделении ярко демонстрировала глубокий раскол в обществе и на «молодежном уровне». Возможность применения насилия, часто с оружием в руках, для решения болезненных социальных вопросов глубоко укоренилась в умах комсомольских активистов. Нередко молодые люди совершали аморальные поступки даже по отношению к своим родственникам.

Отрицательное отношение рядовых комсомольцев к выходу статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» доказывает, что насильственные методы реформирования деревни легко воспринимал не только комсомольский актив. Впитавшие в себя нигилистическое отношение к законам, которые всегда можно нарушить ради благих целей либо по приказу «сверху», многие члены «легкой кавалерии» были готовы приветствовать применение любых, в том числе и насильственных мер для ускорения построения, по их мнению, справедливого общества.

«Зигзаги» в осуществлении партийного курса в деревне заставили некоторых юношей и девушек переоценить свое участие в коллективиза-

ции и в деятельности «легкой кавалерии», в частности. Опасаясь ошибок, большинство комсомольцев предпочитало ничего не делать. Стали наблюдаться случаи бегства активистов с работы под предлогом: «В деревне трудно работать» [РГАСПИ, ф. М. — 1, оп. 3, д. 66, л. 147]. Многие юноши и девушки, даже продолжая числиться в рядах «легкой кавалерии», уже не проявляли былой активности.

К тому же энтузиазм некоторых комсомольцев «поутих» благодаря имевшим место террористическим актам, направленным против молодых активистов. Так, в селе Проказки Лунинского района крестьянин Кунидзе стрелял в руководителя отряда «легкой кавалерии» Прохорова, мстя юноше за то, что накануне отряд «легкой кавалерии» нашел у него спрятанный хлеб [Жуковский, 1931, с. 30]. Впрочем, часть молодежи подобные факты восприняла в качестве подтверждения правильности как своих действий, так и утверждений пропаганды о «недремлющих классовых врагах».

И все же наметилась своеобразная перестройка в деятельности «легкой кавалерии»: действия, направленные на искоренение бесхозяйственности в колхозах, в начале 1930-х годов становились приоритетными в деятельности сельской «легкой кавалерии».

Источники и принятые сокращения

1. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области*. Ф. П. — 379. Оп. 1. Д. 144. Л. 1. Д. 171. Л. 63. Ф. П. — 1165. Оп. 1. Д. 26. Л. 44, 89. Ф. П. — 1176. Оп. 1. Д. 82. Л. 70.
2. *Год работы «легкой кавалерии» в округе (Резолюция I-го Округного слета «ЛК»)*. — Пенза : Издание Пензенского окружка ВЛКСМ, 1930. — 10 с.
3. *Жуковский Д.* В боях. Работа «Легкой кавалерии» Средней Волги / Д. Жуковский. — Москва ; Самара : Государственное издательство, 1931. — 50 с.
4. *Задачи «Легкой кавалерии» в реконструктивный период : решения II ленинградской областной конференции «легкой кавалерии», 15—16 марта 1930 г.* — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1930. — 30 с.
5. *Комсомол в борьбе с бюрократизмом* : письмо ЦКК ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ, 4 октября 1927 г. // *Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии*. — Москва : Молодая гвардия, 1987. — С. 104—108.
6. *На первой линии огня* // *Коммуна*. — 1930. — 4 февраля.
7. *Об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве* : Постановление ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1929 г. // *КПСС в резолюциях, решениях съездов и конференций*. — Москва, 1984. — С. 69—71.
8. *Первый краевой слет «Легкой кавалерии» (резолюции и постановление)*. — Нижний-Новгород : Государственное издательство, 1930. — 19 с.
9. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. М. — 1. Оп. 2. Д. 79. Л. 17. Д. 80. Л. 17. Д. 82. Л. 42. Оп. 3. Д. 64. Л. 241.

Д. 66. Л. 145, 147, 154, 274. Оп. 23. Д. 81. Л. 51, 77. Д. 965. Л. 68—73. Д. 967. Л. 2—5, 45.

10. *Сайкин И.* Легкая кавалерия и борьба с бюрократизмом / И. Сайкин. — Москва : Молодая гвардия, 1930. — 58 с.

11. *Сталин И. В.* Головокружение от успехов : к вопросам колхозного движения / И. В. Сталин // Правда. — 1930. — 2 марта.

12. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы.* — Москва : РОССПЭН, 2000. — Т. 2. — 927 с.

Литература

1. *Андриец У. М.* Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока / У. М. Андриец // Россия и АТР. — 2016. — № 1. — С. 250—260.

2. *Долгова И. Л.* Социальный характер советской молодежи Дальнего Востока 30-х гг. : диссертация ... кандидата исторических наук / И. Л. Долгова. — Хабаровск, 2003. — 226 с.

3. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.) / Н. А. Ивницкий. — Москва : Интерпракс, 1994. — 269 с.

4. *Ипполитов В. А.* Восприятие в комсомоле статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» / В. А. Ипполитов, А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2018. — № 8. — С. 52—60.

5. *Курс лекций по истории ВЛКСМ.* — Москва : Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, 1976. — Т. 1. — 375 с.

6. *Мигущенко О. Н.* Молодежь и коллективизация (по материалам ЦЧО) / О. Н. Мигущенко // Преподавание истории в школе. — 1994. — № 5. — С. 27—29.

7. *Минина Е. А.* Государственная молодежная политика в деревне юга Дальневосточного края периода коллективизации (1927—1937 гг.) : диссертация ... кандидат исторических наук / Е. А. Минина. — Хабаровск, 2008. — 244 с.

8. *Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии / Т. Д. Надькин. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 311 с.

9. *Никулин Р. Л.* Политический контроль над коммунистической молодежью в период коллективизации : формы, инструменты, последствия / Р. Л. Никулин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2009. — № 2. — С. 60—63.

10. *Окуда Х.* «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания / Х. Окуда // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. — Москва : РОССПЭН, 2008. — С. 495—527.

11. *Стецюра Ю. А.* Молодежь в переустройстве сельского хозяйства в СССР на рубеже 20—30-х годов XX века / Ю. А. Стецюра, А. А. Панарин // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 2. — С. 56—62.

Collectivization of Agriculture in 1928s—1930s: Role of “Light Cavalry”

© Slezin Anatoliy Anatolyevich (2019), orcid.org/0000-0002-9559-7553, Researcher ID A-8944-2018, SPIN-code 4509-5506, AuthorID 437790, Doctor of History, professor, Tambov State Technical University (Tambov, Russia), anatoly.slezin@yandex.ru.

The contradictory role of the Komsomol “light cavalry” at the initial stage of the continuous collectivization of agriculture in the USSR is analyzed. The main sources were the materials of the Russian state archive of social and political history and propaganda brochures of the 1920s—1930s. The methodological basis of the study is the classical principles: historicism, objectivity, social approach, alternative. The theory of modernization is used, which is understood as the transition from agrarian to industrial society. As a theoretical platform, the author appeals to the theory of nationalization of the Komsomol: the Komsomol is considered as a kind of Soviet “Ministry of youth”, a link between the state and youth. It is shown that in the conditions of shortage of highly qualified personnel and mismanagement in hastily created collective farms, the authorities had to involve inexperienced boys and girls in the implementation of the function of social control. It is noted that “cavalrymen” watched the condition of working cattle, forges, warehouses, bulk items, even the preparation of production plans. However, as shows the author, useful activities for the elimination of economic disadvantages were accompanied by obvious excesses, search not only for obvious, but for imaginary enemies. Particular attention is paid to the identification of the specifics of the “light cavalry” after the publication of Stalin’s article “Dizziness from success.”

Key words: “light cavalry”; Komsomol; collectivization; dekulakization; excesses; social control.

Material resources

- GASPITO — *Gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti*. (In Russ.).
- God raboty «legkoy kavalerii» v okruge (Rezolyutsiya I-go Okruzhnogo sleta «LK»)*. (1930). Penza: Izdaniye Penzenskogo okruzhkoma VLKSM. (In Russ.).
- Komsomol v borbe s byurokrazmizmom: pismo TsKK VKP (b) i TsK VLKCM, 4 oktyabrya 1927 g. (1987). In: *Dokumenty KPSS o Leninskom komsomole i pioneriy*. Moskva: Molodaya gvardiya. 104—108. (In Russ.).
- Na pervoy linii ognya. (1930). *Kommuna, 4 fevralya*. (In Russ.).
- Ob uchastii VLKSM v khozyaystvennom stroitelstve: Postanovleniye TsK VKP(b) ot 23 dekabrya 1929 g. (1984). In: *KPSS v rezolyutsiyakh, resheniyakh syezdov i konferentsiy*. Moskva. 69—71. (In Russ.).
- Pervyy krayevoy slet «Legkoy kavalerii» (rezolyutsii i postanovleniye)*. (1930). Nizhniy-Novgorod: Gosudarstvennoye izdatelstvo. (In Russ.).
- RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno politicheskoy istorii*. (In Russ.).
- Saykin, I. (1930). *Legkaya kavaleriya i borba s byurokrazmizmom*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1930). Golovokruzheniye ot uspekhev: k voprosam kolkhoznogo dvizheniya. *Pravda*, 2 marta. (In Russ.).

- Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye: dokumenty i materialy. 2.* (2000). Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Zadachi «Legkoy kavalerii» v rekonstruktivnyy period: resheniya II leningradskoy oblastnoy konferentsii «legkoy kavalerii», 15—16 marta 1930 g.* (1930). Moskva; Leningrad: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Zhukovskiy, D. (1931). *V boyakh. Rabota «Legkoy kavalerii» Sredney Volgi.* Moskva; Samara: Gosudarstvennoye izdatelstvo. (In Russ.).

References

- Andriets, U. M. (2016). Komsomolskiye organizatsii kak politicheskiy resurs v kollektivizatsii selskogo khozyaystva Dalnego Vostoka. *Rossiya i ATR, 1*: 250—260. (In Russ.).
- Dolgova, I. L. (2003). *Sotsialnyy kharakter sovetskoy molodezhi Dalnego Vostoka 30-kh gg.*: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk. Khabarovsk. (In Russ.).
- Ippolitov, V. A., Slezin, A. A. (2018). Vospriyatiye v komsomole statyi I. V. Stalina «Golovokruzheniye ot uspekhev». *Voprosy istorii, 8*: 52—60. (In Russ.).
- Ivniitskiy, N. A. (1994). *Kollektivizatsiya i raskulachivaniye* (nachalo 1930-kh gg.). Moskva: Interpraks. (In Russ.).
- Kurs lektsiy po istorii VLKSM. 1.* (1976). Moskva: Vysshaya komsomolskaya shkola pri TsK VLKSM. (In Russ.).
- Migushchenko, O. N. (1994). Molodezh i kollektivizatsiya (po materialam TsChO). *Prepodavaniye istorii v shkole, 5*: 27—29. (In Russ.).
- Minina, E. A. (2008). *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v derevne yuga Dalnevostochnogo kraya perioda kollektivizatsii (1927—1937 gg.)*: dissertatsiya... kandidat istoricheskikh nauk. Khabarovsk. (In Russ.).
- Nadkin, T. D. (2010). *Stalinskaya agrarnaya politika i krestyanstvo Mordovii.* Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Nikulin, R. L. (2009). Politicheskiy kontrol nad kommunisticheskoy molodezhyu v period kollektivizatsii: formy, instrumenty, posledstviya. Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. *Voprosy teorii i praktiki, 2*: 60—63. (In Russ.).
- Okuda, Kh. (2008). «Ot sokhi k portfelyu»: derevenskiye kommunisty i komsomoltsy v protsesse raskrestyanivaniya. In: *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya.* Moskva: ROSSPEN. 495—527. (In Russ.).
- Stetsyura, Yu. A., Panarin, A. A. (2012). Molodezh v pereustroystve selskogo khozyaystva v SSSR na rubezhe 20—30-kh godov XX veka. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya, 2*: 56—62. (In Russ.).